

Story

Марго | Малин
Фридлендер | Швердтфегер

янтарная нить

ИСКРЕННИЙ РАССКАЗ О ВЫЖИВАНИИ
В НАЦИСТСКОМ БЕРЛИНЕ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Выбирая жизнь. Книги о силе духа

Марго Фридлендер

**Янтарная нить. Искренний
рассказ о выживании
в нацистском Берлине**

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

Фридендер М.

Янтарная нить. Искренний рассказ о выживании в нацистском Берлине / М. Фридендер — «Эксмо», 2008 — (Выбирая жизнь. Книги о силе духа)

ISBN 978-5-04-250023-7

«Если уходить — то до шести утра. В шесть приходит гестапо...» Берлин, 1943 год. После ареста семьи Марго остается одна. Чтобы выжить, она исчезает: ночует в чужих квартирах, откликается на другие имена, решается на операцию, меняет внешность, снова и снова перекрашивает волосы. Два года Марго играет в прятки со смертью. «Береги себя» — это молитва матери на клочке бумаги, ее последние слова, помогающие бороться. И реальная история, рассказанная с одной целью: чтобы этот ужас никогда не повторился.

УДК 821.112.2-94
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-250023-7

© Фридендер М., 2008
© Эксмо, 2008

Содержание

«Береги себя»	6
Гуши, Адель и дядя на трехколесном велосипеде: детство в Берлине	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Марго Фридлендер, Малин Швердтфегер

Янтарная нить. Искренний рассказ о выживании в нацистском Берлине

Margot Friedlander

Malin Schwerdtfeger

Versuche, dein Leben zu machen Als Jüdin versteckt in Berlin

© 2008 by Rowohlt · Berlin Verlag GmbH, Berlin

© Христофорова Н. И., перевод на русский язык, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Более шести десятилетий спустя после своего освобождения вместе с писательницей Малин Швердтфегер Марго рассказала свою драматическую историю о надежде и предательстве, о гражданском мужестве в условиях террора и безусловной воле к жизни.

С 2010 года Марго Фридлендер вернулась в Берлин, откуда стала рассказывать о событиях, очевидцем которых была.

Она умерла 9 мая 2025 года в возрасте 103 лет.

*Моим родителям
и моему брату Ральфу
посвящаю*

«Береги себя»

Я иду по улице Скалитцер. Чуть больше двух часов дня, серый январский день в районе Берлина Кройцберге. Грохочут рельсы метро. Многие люди идут пешком, у них бледные, замкнутые лица, взгляды устремлены вниз. Я тоже настолько погружена в свои мысли, что почти не замечаю мужчину, который идет на расстоянии примерно квартала передо мной.

20 января 1943 года.

Думаю только о сегодняшнем вечере. Мы хотим уехать из Берлина – я, мать, братья. Побег давно запланирован. Мы встретимся еще раз в квартире, чтобы договориться. Если все пойдет хорошо, это мои последние часы в Берлине. Как будет там, куда мы хотим отправиться? Там лучше, чем здесь, по крайней мере, мы так думаем. Надеемся. Это наша последняя надежда.

План кажется чудовищным, он занимает все мои мысли. Мимоходом замечаю, что до 32-го номера – до нашей квартиры – уже недалеко. А вот и уличный фонарь. Еще несколько шагов.

И тут я чувствую: что-то не так. Поднимаю взгляд. Тот мужчина впереди меня – что-то мне в нем не нравится. Смотрю на его спину в темном плаще, невольно подражая ритму его шагов, коротких, быстрых, будто ему холодно. Мне страшно, и я не знаю почему.

Он исчезает в подъезде дома.

Номер 32. Невольно прижимаю сумочку к груди, чтобы прикрыть желтую звезду. Надо просто бежать? А куда? Мне нужно домой. Я не хочу менять наш план. Иначе все сорвется.

Дом номер 32 – обычный берлинский многоквартирный дом, охристо-желтый фасад потемнел от копоти угольных печей. Я открываю входную дверь и выхожу на лестничную клетку. Пахнет линолеумом и холодным дымом.

Наша квартира находится в главном здании, на втором этаже. Мужчину не видно. Без колебаний поднимаюсь по лестнице. Может, я просто слишком нервничаю. Станет очевидно, что мои опасения беспочвенны. Этого человека наверняка больше здесь нет. Возможно, он исчез в квартире, возможно, в гостях или ошибся номером дома и сейчас спускается по лестнице.

А потом вижу. Он стоит на втором этаже, прямо на пороге нашей квартиры, прислонившись спиной к нашей двери. Я не смотрю на него, уставившись на невидимую точку в воздухе.

Я предпочла бы спуститься обратно, только возвращаться слишком поздно. Выбора нет. Мои шаги эхом разносятся по лестнице в том же ритме, что и раньше, ни быстрее, ни медленнее. Я все еще прижимаю сумочку к груди.

Придется пройти мимо него. Я так близко, что он мог бы коснуться меня, но я не смотрю на него и использую все силы, чтобы казаться бесстрашной. Чего хочет этот человек, почему стоит у нашей двери? Кого ждет?

Его лицо – не что иное, как светлое пятно на темном плаще, которое лишь ненадолго проскальзывает в поле моего зрения.

Мужчина не шевелится.

На третьем этаже останавливаюсь. Принимать решение нужно быстро. Решаюсь и звоню в дверь. Соседей, которые здесь живут, я почти не знаю, хотя их квартира находится прямо над нашей. Они не евреи, до сих пор я не сказала им ни слова. Сейчас я молюсь, чтобы они были дома.

И правда, слышу шаги, приближающиеся к двери, короткие, энергичные, цокот каблуков по дощатому полу, – шаги женщины.

Дверь открывается, соседка сразу узнает меня. Я боюсь, что она громко поздоровается, но женщина молчит, приглашает жестом войти и закрывает дверь.

Теперь я понимаю: явно произошло что-то ужасное. Вижу по ее глазам. Она пускает меня в гостиную, указывает на стул. Я сажусь, она занимает стул напротив.

– Они пришли, – тихо говорит соседка, будто мужчина на лестничной площадке может услышать. – Гестапо.

– Когда? – выдавливаю я. Свой голос слышу будто издалека. Комната смыкается вокруг все теснее, люстра внезапно кажется тусклее, словно лампочка вот-вот погаснет.

– В полдень, – говорит она. – Пару часов назад. Вдруг кто-то заорал на весь подъезд: «Открывайте! Открывайте!» Потом на лестнице загрохотало. Я бросилась к окну, они как раз выходили. Их затолкали в полицейскую машину.

– Кого? – спросила я.

– Госпожу Майснер и еще двоих, мужчину и женщину, чуть за двадцать. Я их не знала. И мальчика.

Мой брат Ральф.

– Моя мама?

Соседка мотает головой.

Матери там не было. Соседка рассказывает, что она пришла примерно через час после гестапо. Те опечатали нашу дверь.

– Я ей все рассказала.

– Она спрашивала обо мне?

– Я сказала, что тебя там не было.

– Где она сейчас?

– Ушла к соседям. Евреям. Где-то здесь, на улице.

Я сразу поняла, кого она имеет в виду. Супружеская пара, с которой мы мимолетно знакомы, живет через три дома. Значит, она там, совсем близко, но я не могу к ней отправиться. Возможно, этот человек все еще стоит у нашей двери. Я не могу уйти. Ничего не могу сделать, кроме как сидеть здесь и ждать.

Соседка оставляет меня наедине с моими мыслями. Я благодарна, потому что она не требует, чтобы я уходила. Женщина просто остается сидеть, как и я, опершись локтями о столешницу и подперев лицо руками. Я едва знаю ее, она не может мне помочь, и все же хорошо, что позволяет побыть здесь. Хорошо, что можно помолчать.

Постепенно наступает вечер. Бледное январское небо, кусочек которого видно через кухонное окно, теперь стало темно-серым. В какой-то момент я встаю и прощаюсь. Нужно идти. Сразу. Пусть даже тот человек все еще там.

Медленно спускаюсь по лестнице. Он больше не ждет перед нашей дверью. Теперь я могу различить печать, приклеенную поперек замочной скважины и дверной коробки.

Только внизу, на улице Скалитцер, с меня внезапно спадает оцепенение. Мысли мечутся, все нужно сделать быстро. Не знаю, сколько времени я просидела у соседки, явно больше часа, может быть, два.

Мама ждет меня, наверняка волнуется.

Нам нужно подумать, что мы сейчас можем сделать. Надо выяснить, где брат, или спрятаться. Что бы там ни было, вместе мы найдем выход.

Стою перед соседним домом. Скоро я увижу маму. Уже наступили сумерки. Супруги ждут у освещенного окна, удастся различить очертания за занавеской. Смотрю вверх, ищу знакомую фигуру матери. Но ее там нет.

Женщина открывает мне дверь.

– Где она? – спрашиваю я, затаив дыхание.

Женщина ждет, пока я зайду в коридор, потом закрывает дверь.

– Ушла.

В первый момент я не понимаю. Я опоздала? Она ищет меня?

– Она просила кое-что тебе передать.

Я жду, что женщина даст мне что-нибудь, однако она просто стоит. Ищу взглядом записку у нее в руке, что-то написанное, что оставила мне мама.

– Я должна тебе кое-что сказать.

А потом она говорит то, что мама больше не сможет сказать сама: «Я приняла решение пойти в полицию. Я отправлюсь с Ральфом куда бы то ни было. Береги себя. Постарайся изменить свою жизнь к лучшему».

Это ее слова? Они будто не имеют ко мне никакого отношения. Холодные слова из уст чужих людей.

Вопросительно смотрю на женщину.

– Вот что она сказала, больше ничего. Затем ушла. Береги себя. Постарайся изменить свою жизнь к лучшему.

Она повторяет эту фразу. Только во второй раз я понимаю смысл. Жестокие слова, суровые и равнодушные.

Я стою, и у меня нет ничего, кроме этого предложения. Ни одной строчки ее почерком.

Женщина тянется к чему-то, что лежит на комод в прихожей. Сует мне это в руку. Чувствую гладкую кожу. Только теперь вижу, что это: сумочка мамы. Открываю ее. Нос улавливает знакомый запах: запах потертой кожи, духов и карандашей, мыла, мокрого пальто и бумаги, дождливых дней. Ее особенный запах.

Лезу в сумку и достаю адресную книжку – небольшую тетрадку из клетчатой бумаги. Обложка давно отвалилась. С краю – регистр, алфавит, чередование черного и красного, некоторые буквы истрепаны больше, чем другие. Многие адреса аккуратно написаны авторучкой, другие – карандашом и бегло набросаны: адреса туристических агентств, визовых служб, консульств и контактных лиц, которые, возможно, могут пригодиться позднее.

В сумке есть что-то еще. Я чувствую на дне что-то тяжелое, прохладное, гладкое. Вытаскиваю. Ее янтарное ожерелье. Средней длины из матового полированного янтаря, к середине бусины становятся больше. Некоторые камни золотистого или горчично-желтого цвета, другие более темные, почти красноватые.

Закрываю сумку и направляюсь к двери. Нет никаких причин оставаться дольше. Женщина наблюдает, не останавливает меня, не спрашивает, куда иду.

– До свидания, – говорю я.

– До свидания, – отвечает она.

Мы знаем, что свидания не будет.

В тот день, когда я спрячусь, я сниму еврейскую звезду.

Улица Скалитцер. Автоматически переставляю ноги. Стало темно и очень холодно.

Я не могу провести ночь на улице. Только куда идти? Где спать? На скамейке? Я замерзну. Нужно принять решение. Мне всего двадцать один год, еще никогда я не принимала решений в полном одиночестве. Еще не было собственной жизни. Моя жизнь – это жизнь с мамой, братом, моей семьей. Теперь она закончилась. Почему мама не стала меня ждать?

Двигаюсь дальше, механически, бесцельно. Вдруг оказывается, что я, сама не зная как, оказалась перед квартирой друзей-евреев, Зигги Хирша и его сестры. Звоню. Они дома, я могу переночевать у них несколько раз – первые ночи на нелегальном положении.

Рано утром выхожу из дома и бегу сквозь январскую тьму. До этого нелегальное положение означало просто бесцельное блуждание по хорошо знакомым улицам, которые внезапно оказались чужими и опасными. С сегодняшнего дня следует бояться встречи с кем-то, кто меня знает. Я опускаю голову, когда встречаю людей. Только никто не обращает на меня внимания. Люди прячут лица за шарфами и воротниками пальто. Они спешат, они идут на работу.

Я никуда не иду. Просто иду.

Светает. Постепенно открываются пекарни и газетные киоски, затем остальные магазины. Около полудня прохожу мимо парикмахерской. Там пусто, только парикмахер подметает пол и ждет клиентов.

Принимаю решение.

– Что желаете?

Парикмахер улыбается.

– Покрасить волосы, пожалуйста!

Я сажусь в кресло.

– Какой цвет вы хотели бы?

Раздумываю.

– Рыжий.

Крашу волосы в тициановский рыжий. Люди думают, будто евреи рыжими не бывают. Хочу выглядеть не еврейкой. Мои черные волосы плохо принимают цвет, кожа головы горит, больно, но я отчаянно хочу выглядеть по-другому. Я больше не та Марго Бендхайм, какой была вчера. Той Марго не должно быть.

Я перешла на нелегальное положение.

«Береги себя». Надо попытаться. В этот и во все последующие дни моего подпольного существования я должна попробовать сделать так, как велела мама.

Гуши, Адель и дядя на трехколесном велосипеде: детство в Берлине

Я родилась 5 ноября 1921 года в спальне родителей на улице Линденштрассе в Берлине. Все были довольны здоровыми родами. Однако если бы родился мальчик, который мог бы произнести молитву Кадиш после смерти родителей, наверное, было бы еще лучше.

Родители дали мне имя Анни Марго.

На момент моего рождения Августа и Артур Бендхайм были женаты ровно год и один день. Они никогда не рассказывали, как познакомились. Ребенком я не расспрашивала. Они – мои родители. Невозможно представить, что когда-то они не были вместе. Для меня мама и папа были единым целым. Позже, когда семьи не стало, я с удовольствием узнала бы о том, что происходило «до»: об их свадьбе, о том, что было до моего рождения. Только спрашивать уже некого. Больше никого не осталось. Никто не может рассказать обо мне, о моей семье. Все мертвы.

Моей матери, Августе Гросс по прозвищу Гуши, на момент помолвки было двадцать пять лет. Это была красивая молодая женщина, невысокая, с черными волосами и большими темными глазами. Есть ее фотография того времени, снятая в студии фотографом. На ней элегантно платье и шляпа с широкими полями, девушка сосредоточенно смотрит в камеру: кажется нежной, хотя решительна и полна энергии, будто прилагает все усилия, чтобы замереть на мгновение. Мать родилась в 1895 году в Тешине, городе в Верхней Силезии, которая тогда еще принадлежала Австро-Венгрии.

За свою историю Тешин принадлежал разным государствам – это был приграничный город, который постоянно менял принадлежность, и на его улицах всегда были слышны три языка: польский, чешский и немецкий. Тешин находился в Силезии, но сразу за рекой Ольза начиналась Моравия. Недалеко находились Вроцлав и Краков – как и небольшой городок рядом с Краковом, о котором в то время почти никто не говорил: Освенцим.

После Первой мировой войны Австро-Венгрия исчезла с географической карты, и Тешин был поделен между недавно образованными государствами – Польшей и Чехословакией. Новая граница проходила прямо через город. Часть на восточном берегу Ользы стала называться польским Цешинем, а предместье на западном берегу превратилось в Чески-Тешин. Позже, в 1939 году, придут немцы и объявят Тешин уездным городом в округе Силезия. Но к этому времени мама уже давно уедет оттуда.

Ее родители были евреями и немцами одновременно. О постоянно меняющихся границах в семье Гросс не задумывались. Хотя в детстве мама однажды наблюдала, как австрийский император Франц Иосиф, направляясь на маневры, проезжает мимо дома, где она родилась, но это был единственный раз, когда она соприкоснулась с большой политикой.

Мой дед, Вильгельм Гросс, был состоятельным человеком. Он владел большим количеством земли и, кроме того, процветающей фирмой «Вино и спиртные напитки». Настоящее его имя было Вольф, но все называли его Вильгельмом: это был живой человек с большими усами и особенными глазами. Один из них он повредил в детстве, когда вскочил со стула с ножом в руке. С тех пор глаз был мутным, веко немного отвисало. Зато другой глаз почти всегда приветливо поблескивал.

Такое впечатление, будто одна половина его лица была грустной, а другая – радостной, что в детстве казалось мне очень странным.

У дедушки никогда не было необходимости трудиться по-настоящему: жил хорошо, бизнесом занимались многочисленные служащие. С полной отдачей он предавался только одному делу – покупке вина, спиртных напитков и крепкого алкоголя, и прежде всего потому, что

закупки всегда были связаны с приятными визитами к приятелям – производителям спиртных напитков и торговцам вином. Особенно часто Вильгельм ездил к друзьям в Венгрию: те владели винокурным заводом и производили особенно хороший бронфен – так на идиш называлось хлебное вино.

Августа Гросс – младшая в семье. У нее было три старшие сестры, Роза, Амалия и Генриетта, которую все звали Джетти, и брат, о котором говорили редко, поскольку он погиб на войне молодым. Так редко, что я даже не знаю его имени.

Мать Гуши, моя биологическая бабушка Анни, умерла, когда ее младшей дочери едва исполнилось шестнадцать лет. После этого Гуши на некоторое время отправили к венгерским друзьям, от которых отец получал хороший бронфен. Там она провела около года, и, несмотря на скорбь по бабушке, с удовольствием вспоминала то время. Могла даже спеть песню на венгерском языке.

В это время дедушка закрыл бизнес и решил переехать в Берлин. После смерти жены Вильгельм захотел начать новую жизнь. Многие его родственники жили в Берлине, в том числе дочь Джетти, которая была замужем и имела сына.

Дедушка продал все и переехал из провинции Силезия в столицу.

Теперь у него не было большой компании сотрудников, только просторная, но обозримая квартира на улице Нойе Грюнштрассе в районе Берлин-Митте и достаточно денег, полученных от продажи имущества и торговли спиртными напитками, чтобы иметь возможность хорошо прожить следующие несколько лет.

Разразилась Первая мировая война. Единственного сына Вильгельма призвали в армию, как и мужа Джетти – Адольфа. Однако в жизни деда кое-что изменилось. Он познакомился с женщиной, Адель Гут, которая позже стала моей любимой бабушкой Адель.

Ей было под сорок, она была не замужем, то есть той, что тогда называли «старой девой». Жила со своими двумя сестрами, также незамужними. Адель была невысокой и пухленькой, с темными, тщательно уложенными волосами и всегда одета по моде. Выйдя замуж за Вильгельма, она полностью освоилась с новой ролью жены.

Гуши тоже переехала в Берлин, к сестре Джетти, которая с тех пор как муж ушел на фронт, жила одна с сыном и была рада, что Гуши сможет помогать.

Расставание с Тешинном далось маме легко. Она страдала от любви. Мужчина, в которого она влюбилась после возвращения из Венгрии, происходил из состоятельной тешинской семьи и хотел стать актером, а это неподходящая партия для дочери из уважаемой купеческой семьи. Гуши опасалась худшего. Во время краткого визита в Берлин она рассказала отцу о своем поклоннике.

– Он кто? Актер?

– Он хочет поехать в Вену. В актерскую школу.

– Так значит, он – пустое место!

– Он спросил, хочу ли я обручиться с ним. – Гуши не сдавалась. – Прежде, чем он отправится в Вену.

– А ты? Хочешь?

Гуши кивнула.

– Выбрось это из головы. С актерами в брак не вступают.

Так Вильгельм посчитал вопрос закрытым.

Гуши знала, что противоречить отцу смысла нет. Она приехала в Берлин, полная решимости оставить в прошлом все, что напоминало Тешин и первую любовь.

Хотя отец был богат, Гуши отчаянно стремилась зарабатывать на жизнь самостоятельно. Ей было двадцать четыре года, без профессии, но работать и как-то организовать свою жизнь хотелось.

Улица Нойе Грюнштрассе располагалась близко к площади Хаусфогтайплац, где находилось множество текстильных фирм и модных ателье, принадлежавших в основном евреям. В то время пользовались большим спросом пуговицы, обтянутые тканью, для платьев и костюмов, всех размеров, цветов и форм. Большим фирмам пуговицы нужны были для производства готовой одежды, а небольшие галантерейные магазины ими торговали.

Гуши решила открыть производство пуговиц. Она арендовала небольшой магазинчик на улице Грюнштрассе, недалеко от дома отца и Хаусфогтайплац. К магазину прилагалась крошечная квартирка, так что она смогла съехать от сестры Джетти. Теперь Гуши жила одна, став независимой. Впервые в жизни.

Для изготовления пуговиц ей требовалось специальное приспособление – пуговичная машинка. В комплекте шли разнообразные заготовки и вставки для пуговиц разных размеров, а также деревянный блок: молоток, а еще резак для вырезания ткани соответствующих размеров. Мама купила такую машинку и открыла первый магазин. Очень быстро появилось столько дел, что она едва справлялась в одиночку.

Между тем война продолжалась уже несколько лет. Зять Гуши Адольф был на фронте, а его жена снова беременна. Чтобы помочь сестре содержать маленькую семью, Гуши оставила ей мастерскую и открыла вторую. На радость клиентам, которых смогла взять на себя.

Брат Гуши не вернулся с войны.

Зять Адольф выжил, но его засыпало в окопе, и с тех пор он ослеп. С тяжелым ранением и без возможности обеспечить семью, он приехал в Берлин. До войны мужчина был портным и занимался в собственной мастерской тем, что шивал раскроенные части одежды для массового производства. Теперь он больше не мог работать по профессии. Так что у Джетти вовремя появилась мастерская по производству пуговиц как возможность заработать на пропитание.

Тем временем Гуши снова влюбилась – на этот раз в собственного двоюродного брата. Вальтер был сыном ее дяди Бернхардта, который тем временем тоже переехал в Берлин. Хехты были большой, несколько эксцентричной семьей, имевшей ярко выраженную склонность к приятным сторонам жизни. У Бернхардта, брата биологической матери Гуши, было одиннадцать детей: девять сыновей и две дочери. Мама влюбилась в одного из этих девяти братьев и так сосредоточилась на влюбленности, что бизнес впервые отошел на второй план. Она хотела обручиться с Вальтером и уже внутренне готовилась к роли жены. Дедушке удалось убедить Гуши передать ему вторую мастерскую по изготовлению пуговиц.

С тех пор в квартире Вильгельма и Адели на Нойе Грюнштрассе в одной из комнат у станка сидела работница и целый день делала пуговицы.

Когда я была ребенком, предприятие на Нойе Грюнштрассе еще существовало. Я часто наблюдала, как работница обслуживала машинку. Ткань внутрь, заготовку внутрь, рычаг вниз, рычаг вверх, заготовку перевернуть. Звук, с которым соединялись металлические части. «Вставить, перевернуть – вот и пуговица!» Однако Вильгельм не интересовался процессом ни в малейшей степени. Работа, какой бы она ни была, казалась ему совсем не по душе.

Когда приходил человек от заказчика с заготовками, Вильгельм часами просиживал с ним за кофе и болтал. В остальном он мало интересовался бизнесом – казалось, его больше притягивает возможность развлечься, как во время торговли спиртными напитками в Тешине. За всю жизнь он ни разу не держал в руке пуговицу.

Когда Гуши и Вальтер объявили о своих планах, возникли возражения. Протестовали в первую очередь братья и сестры Вальтера. Двоюродная сестра, близкая родственница? А если их дети будут инвалидами? Никогда не знаешь последствия подобных союзов. Довольно скоро констатировали: семья против брака, а Гуши и Вальтер не осмелились обручиться наперекор сопротивлению семьи. Мама опять выбрала мужчину, которого не имела права любить.

Вальтер подарил кухне на память украшение. Бусы. Бусы из полированного матового желтого и ржаво-красного янтаря.

Она не позволила *себя* сломать, снова занялась изготовлением пуговиц и погрузилась в работу. В то время, в 1919 году, было не принято, чтобы одинокая молодая женщина вела собственный бизнес и заботилась о себе. А мать терпеть не могла бездействия. Постепенно она потеряла надежду на создание собственной семьи. Поэтому жила для отца и сестер. Когда она передавала им предприятия, это происходило не по принуждению, а из любви к родным и чувства ответственности. И каждый раз она начинала что-то новое с неослабевающей энергией.

Между тем Гуши исполнилось двадцать пять лет. Самое время выйти замуж. Никто не говорил об этом прямо, но казалось, все ожидали, даже если она сама уже не рассчитывала, что когда-нибудь снова сможет влюбиться.

В начале 1920 года девушка познакомилась с Артуром Бендхаймом. Он был на два года старше ее и только недавно приехал в Берлин из Франкфурта. Как и многие, кто вернулся с войны, он еще не преодолел свои переживания на фронте.

Артур и его старший брат призвались в армию и отправились во Францию. Артур управлял повозкой, запряженной лошадьми, доставляя боеприпасы на передовую. Каждый день он ехал из тыла на фронт, а на обратном пути брал с собой раненых, чтобы доставить их в лазарет. В дороге почти всегда стреляли, в него и людей, стонущих и кричащих от боли. Некоторые из них не выживали. Так продолжалось день за днем.

В последний год войны Артур был ранен. Рядом с повозкой разорвалась граната. Даже пораженный осколками, он доставил раненых в безопасное место, а потом окончательно рухнул. Теперь он сам очутился в лазарете. Все еще находясь там, тяжелораненый и мучимый кошмарами ночь за ночью, он получил известие, что старший брат погиб на другом участке фронта.

Артур выздоровел. После смерти брата ему не пришлось возвращаться на фронт, он остался в тылу. И теперь стал главой семьи, поскольку его отец давно умер.

С Железным крестом второй степени, Знаком ранения и тяжелой военной травмой мой отец вернулся домой, к своей матери, которая жила в небольшом городке недалеко от Дармштадта. У него не было времени проработать этот опыт. Пришлось немедленно взять на себя роль кормильца.

Артуру очень хотелось изучать медицину. Ему всегда хотелось стать врачом.

Однако требовалось получить какую-то профессию, благодаря которой можно зарабатывать деньги. Точно так же, как и Гуши, Артур отказался от собственной мечты ради семьи.

Он взялся за торговлю: сначала во Франкфурте, а немного позже в Берлине. Там он очень скоро познакомился с моей мамой. И вскоре после этого сделал ей предложение.

Она согласилась: хотела наконец создать свою семью и вести полноценную жизнь. Предыдущие две возможности упустила, а этой хотела воспользоваться любой ценой.

Перед помолвкой отец мало рассказывал невесте о своей семье. Гуши знала, что у Артура еще есть брат и сестра, и все же он избегал расспросов. Прошло некоторое время, прежде чем молодой человек наконец взял ее с собой в Гессен, чтобы познакомить с родными.

Стоя перед домом будущей свекрови в Лангене, недалеко от Дармштадта, Гуши даже отдаленно не представляла, что ее ждет. Мать Артура, Бетти, открыла дверь, чтобы поприветствовать. Едва Гуши протянула ей руку, как заметила на заднем плане фигуру в темном коридоре. Та вышла из тени и двигалась к ним со странным подпрыгиванием – напоминало движение обезьяны. Девушке с трудом удалось подавить крик.

– Это мой брат Салли, – сказал Артур.

Фигура приблизилась, и только теперь Гуши разглядела, что это, несомненно, человек с совершенно нормальной головой: волосы были тщательно уложены назад с помощью бриллиантина. Голова располагалась на совершенно нормальном туловище, одетом в хорошо подогнанный пиджак, явно сшитый на заказ. Руки были обычной длины, кисти ухоженные. Гуши

заметила даже толстый золотой перстень с печаткой на левой руке, которой он опирался на короткую палку.

Только ноги были недоразвитыми: маленькие и такие же кривые, как у обезьяны, и торчали из туловища неловко и бесполезно. Вся фигура едва доставала Гуши до талии.

Салли протянул руку. Она взяла ее, но тут же отпустила. И не произнесла ни слова. Артур снял с нее пальто и провел по коридору в гостиную.

Там, на диване, за тяжелым столом в стиле бидермайер, уже накрытым кофейной посудой, сидела сестра Артура Лина. Гуши вздохнула.

Та казалась совершенно нормальной. Но, сев рядом, Гуши увидела, что и у Лины ноги недоразвиты, правда, не такие короткие и изогнутые, как у Салли, только обуты в высокие тяжелые ботинки на шнуровке и закреплены толстыми металлическими рейками, которые доходили Лине почти до колен.

Гуши старалась не подавать виду, насколько она напугана. Попивая кофе маленькими глоточками и с трудом поглощая пирог, она размышляла, означало ли это конец ее третьей любви. Девушка была глубоко разочарована в Артуре, больше всего в том, что он скрывал инвалидность брата и сестры. Как можно доверять такому мужчине? Она думала о расторгнутой помолвке с двоюродным братом. Кто может гарантировать, что дети, которые были бы у них с Артуром, не родились бы такими же уродливыми?

Они уехали обратно в Берлин. Мама сохранила помолвку. Простить его было нелегко, но на этот раз не хотелось отказываться от мужчины, с которым Гуши представляла будущее.

Немного позже отец забрал свою мать, брата и сестру в Берлин, где они поселились в одной квартире.

Несмотря на первоначальный шок, уже на первой встрече Гуши обнаружила, что Салли и Лина абсолютно нормальны психически. Хотя Салли и передвигался по дому только странной подпрыгивающей походкой, по улице он ездил на трехколесном велосипеде. А вот головой пользовался прекрасно. Он был гением математики, к тому же очень музыкальным. А еще прекрасно играл на фортепиано. По профессии он был дипломированным бухгалтером и позже вел всю бухгалтерию моего отца.

Тетя Лина тоже зарабатывала сама. Она была модисткой и изготавливала шляпы в новой берлинской квартире на швейной машинке «Зингер», которую переоборудовали так, что та управлялась рукояткой вместо ножной педали. Благодаря направляющим и опоре она могла работать довольно-таки хорошо. Выходя из дома, Лина никогда не пользовалась тростью – была слишком тщеславна для этого. Вместо этого брала зонтик – выглядело более элегантно.

В то время инвалидов скрывали от общества. Родственники мамы никогда не приглашали Лину и Салли на семейные праздники или за город. Мы навещали их чаще.

За исключением искалеченных ног, дядя Салли был красивым мужчиной. Он носил волосы чуть длиннее обычного, и на пальце всегда красовался большой перстень с печаткой. У него даже была девушка, которая часто сопровождала его во время поездок на велосипеде. Я тоже иногда ходила с дядей в кондитерскую на Фридрихштрассе: Салли ехал по тротуару на велосипеде, а я топала рядом.

Августа Гросс и Артур Бендхайм поженились 4 ноября 1920 года. В тот день снова происходила забастовка. Свадьба пришлась на бурное время: в 1919 году были убиты Роза Люксембург и Карл Либкнехт, в начале года вступил в силу Версальский договор, что означало репарационные выплаты и инфляцию.

Безработица достигла угрожающих размеров, и это все чаще приводило к восстаниям, демонстрациям и забастовкам.

В день свадьбы родителей не ходил трамвай. Не было ни газа, ни электричества. Повсюду на улицах царил хаос, люди сновали туда-сюда, образовывали маленькие и большие группы,

которые с подозрением разглядывала прибывавшая полиция. Жених и невеста ехали к храму в карете. Отопления не было и там. Во время празднования ледяной зал для богослужений освещался десятками свечей.

Само начало их брака было плохим предзнаменованием, как сказала позже мама.

Сразу после свадьбы отец взял на себя пуговичный бизнес Гуши: третий раз, когда она передала другому бизнес, принадлежавший ей лично и построенный в одиночку. Первым руководила ее сестра Джетти, вторым – ее отец. Третий теперь принадлежал мужу.

У Артура Бендхайма были большие планы. Производства пуговиц оказалось недостаточно. Вместо этого он основал крупный бизнес с кнопочными машинами и необходимыми аксессуарами, которые продавал в галантерейных магазинах, модных ателье и фабриках по производству плиссе. Августа Бендхайм, урожденная Гросс, теперь стала домохозяйкой и матерью – не совсем добровольно. Только мне это стало ясно, а может быть, и ей самой, лишь позднее.

Я родилась через год и день после свадьбы. Мама испытала облегчение от того, что я здорова. Мои ноги не были искалечены, чего она втайне боялась.

До четырех лет я оставалась единственным ребенком в семье.

Меня любили и баловали, особенно вторая жена дедушки Вильгельма Адель, которая называла меня просто «мышка».

Затем появился мой брат, на этот раз не дома с помощью акушерки, а в больнице. Брата назвали Ральф по прозвищу Буби.

Через несколько месяцев после его рождения я заболела коклюшем. Чтобы Ральф не заразился, меня отвезли к бабушке Бетти. Она была рада, я же радовалась меньше, особенно когда приходило время ложиться спать. Не хотелось спать там, в чужой, мрачной квартире, где все пахло не так, как дома или у любимой бабушки Адели.

Когда бабушке наконец удалось уложить меня на большую, почти черную от времени кровать из красного дерева с массивным изголовьем, я закричала: «Мне не хватает воздуха! Я ничего не вижу!» Я боялась огромной темной кровати. Строго говоря, это были две отдельные кровати, сдвинутые вместе. На одной спала бабушка, на другой – тетя Лина. Толстые, тяжелые перины, двойные подушки под голову, сверху перья, снизу перья – казалось, что я задыхаюсь. Мне совсем не понравилось лежать рядом с тетей с ногами в шинах. Все было чужим и страшным. Я заплакала и не успокаивалась, пока меня не отвезли к другим бабушке и дедушке.

У Адели я мгновенно успокоилась. Она развесила по всей спальне влажные салфетки, чтобы было легче дышать. После этого мне разрешили остаться с ними на Нойе Грюнштрассе, пока не поправлюсь. Я ничего не могла поделать, я любила Адель больше, чем Бетти, которая часто грустила по этому поводу.

По мере того как я набиралась сил, бабушка ходила со мной гулять каждый день. Была поздняя осень, я оставалась довольно слабой и далеко ходить не могла. Мы медленно шли рядом друг с другом, рука об руку, всегда одним и тем же путем: моя маленькая, изящная бабушка в каракуле и я, пухленькая в новой серо-белой шубке.

Когда на обратном пути я не могла идти дальше, бабушка брала меня на руки. Однажды, когда она снова несла меня по улице – миниатюрная пожилая дама с ребенком чуть меньше ее на руках, – внезапно рядом остановился какой-то господин и спросил: «Как тебе не стыдно? Такая большая девочка позволяет носить себя старой бабушке!»

И правда, мне сразу стало ужасно стыдно, я быстро соскользнула из рук Адели. Мы медленно двинулись дальше. Я оглядывалась снова и снова, проверяя, рядом ли еще строгий господин. Когда, наконец, он исчез из вида, я протянула руки к бабушке: «Только до следующего фонаря!» И маленькая бабушка снова взяла меня на руки и понесла домой.

Все эти небольшие события она рассказывала мне снова и снова. У нас были наши общие воспоминания. Всем остальным это казалось обыденным и незначительным – а для нас было

важно, потому что принадлежало только нам. «Однажды я все это запишу, – говорила Адель. – Потом, когда ты выйдешь замуж, сделаю тебе из этого свадебный альбом».

Свадебного альбома не случилось. Никогда.

После войны я больше никого не могла расспросить о своем детстве. Так переплетаются воспоминания и рассказы: образы в моей голове и истории, которые рассказывала бабушка.

Я помню нашу горничную Фриду, которая была с нами много лет, помню, как она стояла во дворе и выбивала ковры. В день стирки приходила прачка, которая кипятила и стирала белье на полу в больших чанах. Потом прачка, Фрида и я относили белье в небольшое помещение во флигеле, где находилась гладильная машина. Мне нравилось присутствовать при глажке и наблюдать, как белье наматывается на ролики, а затем сложным образом проходит через машину: сначала прямо, потом в сторону и вниз. Далее белье переворачивали, и все повторялось, только с другой стороны.

И помню синий диван. Это был широкий, удобный диван, обитый королевским синим бархатом, – он стоял в нашей гостиной. Когда я лежала на нем, казалось, будто я на большом корабле, осторожно плывущем по спокойному морю. Я закрывала глаза и чувствовала себя в безопасности.

Семья мамы была очень большой, к нам приходило много гостей. Иногда они появлялись даже после ужина, на кофе с пирожными. Отец играл в скат с мужчинами, а мама иногда в бридж с женщинами. В такие вечера Фриде приходилось допоздна не ложиться спать, чтобы поздно вечером проводить гостей до двери. За это она получала чаевые от каждого.

В другие вечера родители ходили куда-нибудь. У них были абонементы в театр и оперу. Я всегда знала заранее, когда наступал такой момент, поскольку тогда смокинг отца уже днем лежал у него на кровати, заботливо вычищенный и выглаженный Фридой.

Когда родители навещали бабушку и дедушку, отец играл в скат с Вильгельмом. К этому у деда вообще не было способностей, он постоянно проигрывал, но играть страстно любил. Каждый вечер они с бабушкой играли в домино, всегда в одно и то же время.

У них был свой постоянный распорядок дня, в котором ничего не менялось. Все в них излучало спокойствие и надежность. Кроме того, они жили со всеми современными удобствами того времени: Вильгельм давно провел электричество и поставил телефон.

Кроме того, часто на партию ската к бабушке и дедушке приходили тетя Джетти, сестра моей матери, и ее муж, дядя Адольф. Тетя Джетти была крепкой, энергичной женщиной. С тех пор как дядя вернулся с войны раненым и за содержание семьи отвечала в основном Джетти, главной в браке была однозначно она. Отца это забавляло: «Когда тетя Джетти чихает, дяде Адольфу разрешается пожелать ей здоровья». Мужчина же постепенно оправился от ранения, зрение вернулось, и скоро он смог опять работать портным.

Обе мои бабушки были очень набожными. Обе вели кошерное домашнее хозяйство. Мама тоже руководствовалась еврейскими законами питания еще некоторое время, в первую очередь, ради бабушек и дедушек, чтобы они могли у нас питаться.

Мясо всегда покупала у кошерного мясника, где оно было дороже, ведь животных резали сложным образом согласно предписаниям раввина. В двадцатые годы царил инфляция, и каждый полдень из магазина отца приезжал на велосипеде мальчик-посыльный и привозил маме что-то из уже полученных денег, чтобы она могла сходить за покупками. На следующий день эти деньги стоили бы уже гораздо меньше. Мама сразу бежала к мяснику, чтобы купить колбасу или мясо на вечер.

Однажды она стояла в магазине и наблюдала, как фургон остановился у дверей, выгружая мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.